
ПРЕДИСЛОВИЕ

В октябре 1917 г. к власти в России пришли большевики. Режим, который они установили во имя главной цели — всеобщей победы коммунизма, более 75 лет держал под своим контролем российское общество и политику. Можно справедливо утверждать, что этот результат в большей степени, чем какое-либо иное событие этих десятилетий двадцатого века, явился определяющим для мировой истории.

Большая часть моих профессиональных изысканий и письменных трудов посвящена изучению Октябрьской революции 1917 г. и ее непосредственных результатов в Петрограде (ныне Санкт-Петербург), столице царской и революционной России. В своей первой книге «Прелюдия к революции: петроградские большевики и Июльское восстание»¹ я исследовал причины, ход и итоги неудавшегося Июльского восстания в Петрограде, чтобы прояснить истоки общественного недовольства политикой либерального и умеренно-социалистического Временного правительства, а также программу, структуру, методы деятельности большевистской партии, ее сильные и слабые стороны (в сравнении с другими политическими партиями того времени). В следующей книге, «Большевики приходят к власти»², я использовал наработки и выводы «Прелюдии», чтобы лучше понять природу Октябрьской революции 1917 г. в России, причины провала демократии западного образца и триумфа Ленина и большевиков. В самом фундаментальном смысле, в обеих книгах моей целью было исследовать события в Петрограде, чтобы ответить на основополагающие, но в то время не достаточно изученные вопросы, касающиеся большевиков и хода Октябрьской революции.

1 Alexander Rabinowitch *Prelude to Revolution The Petrograd Bolsheviks and the July Uprising* (Bloomington Indiana University Press, 1968), русское издание — Кровавые дни Июльское восстание 1917 г в Петрограде — М, 1992.

2 Alexander Rabinowitch. *The Bolsheviks Come to Power: The 1917 Revolution in Petrograd* (New York Norton, 1976). русское издание — Большевики приходят к власти. Революция 1917 г в Петрограде — М Прогресс, 1989

«Большевики приходят к власти» и «Прелюдия к революции» подвергли сомнению преобладавшие на Западе представления об Октябрьской революции как о простом военном перевороте, совершенном кучкой революционных фанатиков под блестящим руководством Ленина. Я выяснил, что в 1917 г. большевистская партия в Петрограде превратилась в массовую политическую партию, и что в рядах ее руководства, которое вовсе не шагало сомкнутым строем за Лениным, не было монолитного единства, а существовали левое, умеренно-правое и центристское крылья. Все они сыграли свою роль в выработке правильной революционной стратегии и тактики.

Я также выяснил, что своим успехом в борьбе за власть после свержения царя в феврале 1917 г. партия была обязана, в важнейших отношениях, своей организационной гибкости, открытости и умению чутко реагировать на народные чаяния, а также налаженным и заботливо поддерживаемым обширным связям с фабричными рабочими, солдатами Петроградского гарнизона и моряками Балтийского флота. В результате я пришел к выводу, что Октябрьская революция в Петрограде была в меньшей степени военной операцией, а в большей — объективным и постепенным процессом, корни которого крылись в массовой политической культуре, повсеместном разочаровании итогами Февральской революции и, в этом контексте, в магнитической притягательности большевистских обещаний немедленного мира, хлеба, земли для крестьян и подлинно народной демократии, осуществляющей через многопартийные Советы.

Эта интерпретация, однако, вызывала не меньше вопросов, чем давала ответов. Ведь если успех партии большевиков в 1917 г., по крайней мере, отчасти объяснялся ее открытостью, относительно демократическим и децентрализованным характером и стилем руководства, что казалось очевидным, то как тогда объяснить, что она очень скоро превратилась в одну из самых жестко централизованных и авторитарных политических организаций в новейшей истории? Далее, если Советы в 1917 г. были подлинно демократическими, хотя и недостаточно развитыми органами народного самоуправления, что также следовало из моих работ, как случилось, что независимость Советов и других массовых организаций была так быстро уничтожена? И самое, наверное, существенное: если целью многих из тех представителей социальных низов Петрограда, которые были

14 *Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде*

недовольны Временным правительством и возглавили борьбу за его свержение, чем облегчили большевикам захват власти, было создание эгалитарного общества и многопартийной политической системы, основанной на социалистической демократии, и эту цель разделяли многие влиятельные большевики, что также показало мое исследование, то как объяснить ту стремительность, с которой эти идеалы были свернуты, и прочно утвердился большевистский авторитаризм?

Таковы ключевые вопросы, поиск ответов на которые лег в основу данной книги. Работа над ней заняла у меня необычайно длительное время — отчасти, как ни странно, благодаря культурной либерализации, начатой Михаилом Горбачевым. Еще в начале 1980-х годов я много работал в библиотеках Ленинграда и Москвы и собрал значительный необходимый материал по данной теме. Более того, я даже приступил — задолго до прихода к власти Горбачева и краха СССР — к написанию основных глав этой книги, однако был не удовлетворен результатом. Особенно это касалось периода после закрытия многих небольшевистских газет в первой половине 1918 г., что оставил меня без одного из главных источников. Кроме того, даже тот ограниченный спектр опубликованных документов, касающихся событий, учреждений, различных социальных групп, а также политических фигур и партий (особенно Петроградской организации партии большевиков), который был незаменим для моей работы по 1917 году, за 1918 год просто отсутствовал. Короче говоря, для завершения работы мне был необходим доступ в советские государственные и партийные архивы, в то время еще наглухо закрытые.

Первый серьезный знак неминуемых перемен, которые сулила мне как западному историку русской революции и раннего советского периода горбачевская либерализация, последовал в 1989 г., когда моя книга «Большевики приходят к власти» стала первым западным исследованием о революции, опубликованным в Советском Союзе. Я вспоминаю презентацию моей книги в конференц-зале издательства «Прогресс» в Москве как одно из самых радостных событий в своей жизни. И, тем не менее, даже после публикации в Советском Союзе вероятность того, что «буржуазному фальсификатору» вроде меня может вскоре представиться возможность поработать в советских исторических архивах, казалась фантастикой.

Все внезапно изменилось в июне 1991 г., когда я приехал в Россию, чтобы еще немножко покопаться в московских и ленинградских библиотеках. Опираясь на поддержку советских коллег, я сделал запрос и, к моему великому изумлению, получил разрешение поработать в правительственном и партийном архивах в Москве, а чуть позже и в Ленинграде. И хотя сразу было ясно, что часть материалов, представляющих огромный интерес для меня, остается недоступной по причине засекреченности, отныне моя потенциальная источниковая база расширилась безмерно. Более того, она выросла еще больше в 1993 г., когда я впервые получил доступ в архив бывшего КГБ, и продолжала разрастаться в течение 1990-х годов, по мере постепенного рассекречивания архивных документов. В этом заключался положительный аспект. Отрицательный же заключался в том, что практически я был вынужден начать мое исследование заново.

Библиография источников, на которых основана данная работа, приводится в конце книги. Среди наиболее важных неопубликованных источников, относящихся к первому году Советской власти в Петрограде и оказавшихся доступными мне, были протоколы заседаний Петроградского комитета партии большевиков и других городских партийных форумов за 1918 год; протоколы заседаний районных комитетов большевистской партии; протоколы заседаний Совнаркома; стенографические записи с ключевых сессий Петроградского Совета и заседаний его руководящих органов; протоколы заседаний районных Советов; внутренняя официальная и неофициальная переписка; неопубликованные мемуары; многочисленные записи, имевшие отношение к деятельности других партий, правительственных, административных и общественных органов; а также документы из личных архивов главных большевистских деятелей за этот период. Кроме того, я получил возможность изучить некоторые, хотя, разумеется, далеко не все интересующие меня дела Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем (ВЧК), а также дела местных следственных органов за этот период. Не меньшую ценность для меня представляли и опубликованные за последние 15 лет в России, достаточно полные и подробно аннотированные, сборники прежде засекреченных документов, имеющих отношение к истории небольшевистских

16 *Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде*

политических организаций революционной и постреволюционной эпохи.

Сведенные вместе, эти ставшие доступными источники, позволили более пристально взглянуть на процесс обсуждения и принятия решений внутри большевистского руководства в Петрограде, проанализировать развитие взаимоотношений партийных и правительственныех органов всех уровней, а также эволюцию массовых политических взглядов в течение первого года Советской власти. На основе этого анализа я попытался реконструировать динамику раннего развития репрессивной, суперавторитарной советской политической системы в условиях глубокого политического, экономического, социального и военного кризиса, последовавшего за октябрьскими событиями в Петрограде. Я надеюсь, что эта реконструкция, несмотря на ее несовершенство, поможет пролить новый свет на один из ключевых историографических вопросов ранней советской истории — о том, насколько важную роль, по сравнению с пресловутой большевистской революционной идеологией или утвердившейся диктаторской моделью поведения, в создании предельно централизованной авторитарной политической системы Советской России играли меняющиеся обстоятельства и реакция на них.

Книга «Большевики у власти» состоит из четырех частей.

Часть I охватывает период от Октябрьской революции до распуска Учредительного собрания в январе 1918 г. За этот период петроградские большевики сумели консолидировать власть в столице, а Ленин успешно пресек распространение в их среде взглядов умеренных большевиков, которые с сомнением относились к перспективе скорых социалистических революций в других странах и связывали свои надежды на продолжение революции в России с дружественным социалистическим Учредительным собранием.

Часть II посвящена перипетиям и значению той острой борьбы вокруг заключения Брест-Литовского договора о сепаратном мире с Германией, которая развернулась между большинством большевистского руководства и Лениным в январе 1918 г. и закончилась — в марте, после того как германские войска вплотную подошли к Петрограду и советское правительство было вынуждено поспешно переехать в Москву — ратификацией договора.

Часть III посвящена анализу кризисов — внутреннего и военно-го — поставивших Петроград на грань катастрофы весной и в начале лета 1918 г., откликов рабочих на них и того влияния, которое данные кризисы оказали на становление подхода большевиков к управлению этой «второй столицей» России. Завершается эта часть анализом распада альянса большевиков и левых эсеров северо-запада и перехода к однопартийному правлению в начале июля.

В центре внимания IV части — петроградские большевики и политические события июля–августа 1918 г., приведшие к провозглашению «красного террора», а также динамика и результаты террора в Петрограде. Последняя глава этой части посвящена организации и постановке грандиозного празднества по случаю первой годовщины Октябрьской революции в Петрограде. Праздничные мероприятия служат тем критерием, который позволяет оценить состояние Петроградской организации большевиков, их революционные чаяния и внутреннее самовосприятие, а также изменившуюся структуру управления в Петрограде после 12 месяцев отчаянной борьбы за удержание власти в ожидании решающих социалистических революций на Западе.

Кроме того, на протяжении всей книги я фокусирую внимание на отдельных, наиболее показательных, событиях и моментах истории, позволяющих приблизиться к ответу на главный, продолжающий тревожить умы вопрос о причинах начавшегося после Октября перерождения большевистской партии и Советов, а также несоответствия между изначальными целями революции и ее первыми результатами.

* * *

В связи с тем, что 1 февраля 1918 г. Россия перешла с Юлианского календаря на принятый на западе Григорианский, разница между которыми в то время составляла 13 дней, все даты в книге, если не указано иначе, приводятся в соответствии с действующим на тот момент календарем.

За многие годы, которые я работал над этой книгой, мне помогало так много людей и учреждений, что просто невозможно выразить

мою признательность им всем. Мне не удалось бы завершить мою работу без щедрой поддержки фондов Гугенхайма и Макартуров; Совета по международному научно-исследовательскому обмену (IREX); Национального совета по евразийским и восточно-европейским исследованиям (NCEEER); Американского совета научных обществ (ACLS); Института Гарримана Колумбийского университета; Института Гувера Стэнфордского университета; а также нескольких структур Индианского университета — Бюро международных программ, Института России и Восточной Европы и Бюро вице-президента по исследовательской работе.

Я также глубоко признателен сотрудникам Гуверовского института; Нью-йоркской публичной библиотеки; Библиотеки Конгресса США; библиотеки Индианского университета; Лондонской Национальной библиотеки; Библиотеки современной международной документации в Нантере; Российских национальных библиотек в Москве и Санкт-Петербурге; Российской государственной публичной исторической библиотеки в Москве; Института научной информации по общественным наукам Российской Академии наук в Москве; Библиотеки Российской Академии наук в Санкт-Петербурге; Государственного музея политической истории России в Санкт-Петербурге; Национального архива Великобритании; Государственного архива Российской Федерации; Российского государственного архива социальной и политической истории; Центрального государственного архива Санкт-Петербурга; Центрального государственного архива историко-политических документов в Санкт-Петербурге; Ленинградского областного архива в Выборге; Центрального государственного архива Военно-морского флота в Санкт-Петербурге; Архивного управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации; Архивного управления Федеральной службы безопасности по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

В своей исследовательской деятельности я многое почерпнул из общения с историками Москвы и Петербурга (тогда Ленинграда), начавшегося еще в 1980-е годы. Особенно я благодарен Генриху Иоффе, Михаилу Ирошникову, Виктору Миллеру, Альберту Ненарокову, Геннадию Соболеву, Виталию Старцеву, Павлу Волобуеву и Олегу Знаменскому. После распада Советского Союза контакты между западными и российскими учеными приобрели регулярный

характер, и, как многие другие, я только выиграл от этого замечательного обстоятельства. С самых первых дней моей работы в Ленинградском партийном архиве (сегодня — ЦГАИПД) его специалисты И. И. Сазонова и Т. П. Бондаревская взяли меня под свое крыло, опекали, делились со мной своими обширными познаниями и всячески помогали в моем исследовании. Таисия Павловна Бондаревская, чьи научные интересы совпадают с моими, и сегодня так же добра и бескорыстна по отношению ко мне, как и в первые дни нашего знакомства.

Выдающиеся историки, чьи профессиональные интересы также, в той или иной степени, совпадают с моими, работают и в Петербургском отделении Института российской истории РАН. Из сотрудников Института я особенно благодарен Борису Ананьевичу, Тамаре Абросимовой, Рафаэлю Ганелину, Борису Колоницкому, Сергею Потолову, Николаю Смирнову и Владимиру Черняеву — за их поддержку, научные консультации и дружеское участие. Отдельное спасибо я хотел бы также сказать Барбаре Аллен, Станиславу Берневу, Ричарду Бидлаку, Питу Глаттеру, Владлену Измозику, Александру Калмыкову, Светлане Кореневой, Анатолию Краюшкину, Кэрол Лиденхэм, Сергею Леонову, Ярославу Леонтьеву, Моше Левину, Альтеру Литвину, Никите Ломагину, Владлену Логинову, Майклу Мелансону, Ларисе Малашенко, Владимиру Наумову, Олегу Наумову, Михаэле Поль, Тойво Рауну, Анатолию Разгону, Ларисе Роговой, Джонатану Сандерсу, Ричарду Спенсу, Станиславу Тютюкину, Филу Томасели, Рексу Уэйду, Леопольду Хаймсону, Надежде Черепининой, Сергею Чернову, Михаилу Шкаровскому и Барбаре Эванс Клементс — за их помощь и советы.

Неисчерпаемым источником вдохновения для меня долгие годы оставались мои студенты отделения истории Индианского университета. У них я тоже в большом долгу. Хотелось бы также отметить пионерское исследование Мэри Маколи «Хлеб и справедливость: государство и общество в Петрограде, 1917–1922 гг.»¹, которое помогло мне лучше понять более широкий исторический контекст, лишь часть которого охватывает моя работа. То же относится и к

¹ Mary McAuley Bread and Justice State and Society in Petrograd, 1917–22 (Oxford, 1991)

книгам Дональда Рейли, Питера Холквиста и Ричарда Саквы¹. Вдохновляющим примером осмысления темы современными петербургскими историками, работы которых представляют большой интерес для меня, стал внушительный сборник статей под редакцией В. А. Шишкова «Петроград на переломе эпох: город и его жители в годы революции и гражданской войны» (СПб., 2000).

И, наконец (а может быть, в первую очередь), эта книга обязана своим появлением на свет постоянной поддержке, вдохновению и неизменно дельным советам со стороны моей жены, Джанет. Она последовательно, одну за другой, читала все главы в черновом варианте и вносила предложения по правке, которые оказались бесценными для создания окончательной версии работы. Разумеется, за все оставшиеся в книге недостатки я один несу полную ответственность.

*Александр Рабинович
Блумингтон, Индиана*

1. Donald Raleigh *Experiencing Russia's Civil War Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–22* (Princeton, 2002), Peter Holquist *Making War, Forging Revolution* Russia's Continuum of Crisis, 1914–21 (Cambridge, Mass., 2002), Richard Sakwa *Soviet Communists in Power A Study of Moscow during the Civil War, 1918–21* (New York, 1988)